

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ

фельетонъ за все лѣто

ГЛАВА I. ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе всѣ мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто въ тупикъ. Что я вамъ напишу? что раскажу новаго, еще неизвѣстнаго, не рассказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Ктому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы специально знаете, что мнѣ-то особенно нечего рассказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потомучто я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если что и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть проѣхавъ столько дорогъ только въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу; рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ розиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса какъ родители читали на сонъ грядущій романы Ратклифъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я наконецъ за границу сорока лѣтъ отъ роду и ужъ разумѣется мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непременно все, несмотря на срокъ. Ктому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, думалъ я, за то я все видѣлъ, вездѣ побывалъ; за то изъ всего видѣннаго составитя что-нибудь цѣлое, какая-нибудь общая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе. Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ

странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побываль, а въ Римѣ напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы можетъ-быть пропустилъ папу...» Однимъ словомъ на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, переменны мѣсть, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ расскажу? что изображу? Панораму, перспективу? Что-нибудь съ птичьяго полета? Но пожалуй вы же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непременно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напримѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе и пробылъ я въ немъ всего одни сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужь покрайней-мѣрѣ хотъ кислосладкое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина и, приѣхавъ въ него, невыспавшись, жолтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣже кордонныя улицы, тѣже запахи, тѣже... (а впрочемъ не пересчитывать же всего того же)! Фу ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать тоже самое, отъ чего ускакалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ пожертвуетъ всѣмъ изъ самага дорогаго, даже можетъ-быть своей конституціей; а ужъ чего дороже берлинцу его конституціи? Ктому же сами берлинцы, всѣ до одинаго, смотрѣли такими нѣмцами, что я, непосягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о ужась!) поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмцами провинился: мнѣ вдругъ вообразилось, только-что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже можетъ-быть усомнился бы въ своемъ призваніи. Я конечно въ ту же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротаясь въ свой номеръ въ гостиницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ жолтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печонки, подумалъ я, — что за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то-есть мѣсяць спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь въ точь какъ Карамзинъ съ такой же цѣлью становившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился: мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево,

галантерейная вещица вродѣ пресѣ-папѣ на письменный столѣ, сажень въ семьдесятъ высотой. «Величественнаго мало» рѣшилъ я, точно такъ какъ встарину наши дѣды рѣшали про Пушкина: «легко дескать слишкомъ сочиняетъ, мало высокоаго». Я подозреваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ Марія Фарина находится тутъ же подлѣ собора и въ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Марія Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непременно и ужь тутъ: «одеколонъ ou la vie», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонъ ou la vie!» но кто знаетъ — можетъ-быть и такъ. Помню мнѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ конечно превосходный и городъ справедливо гордится имъ; но мнѣ показалось, что ужь слишкомъ гордится. Разумѣется я тотчасъ же на это разсердился. Притомъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ-будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій», подумалъ я. Покрайней- мѣрѣ его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій, — ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всяки нѣмецки человекъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ конечно этого вовсе не говорилъ, даже можетъ и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все-равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочетъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы... у насъ дѣлаютъ офицерскія вещи... у насъ...» однимъ словомъ я разсердился и купивъ склянку одеколону (отъ которой ужь никакъ не могъ отвертѣться), немедленно ускакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй я себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнѣ положите хоть три дня, ну хоть два и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ бы на тѣже предметы другими глазами и составилъ бы объ нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой-нибудь лучъ солнца, тутъ много значилъ: сіяй онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой приѣздъ въ городъ Кельнѣ, и зданье навѣрно бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленнаго патріотизма. Хотя изъ этого впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. И такъ вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому...

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что занужду вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что напротивъ было бы вовсе недурно, еслибъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достигъ онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выгоды. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь на сколько могу. Прошу только помнить, что можетъ быть очень многое, что я вамъ напишу теперь, будетъ съ большими ошибками. Разумѣется не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться на примѣръ въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ дотога засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то можетъ и я не ошибусь, а впрочемъ въ строгомъ смыслѣ и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то-есть я пожалуй и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвиль, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значитъ свысока. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяць безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣлъ, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

ГЛАВА II. ВЪ ВАГОНѢ.

«Разсудка французъ не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтіи Фонъ-Визинъ и боже-мой какъ должно быть весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ и всѣ-то мы послѣ Фонъ-Визина, три-четыре поколѣнья сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣлывающія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что-то неотразимо пріятное. Разумѣется только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя втайнѣ. Тутъ слышится какое-то мщеніе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы разумѣется бранимся, если насъ въ этомъ подозреваютъ и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ я думаю самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ западомъ, т. е. передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція, — это было въ сорокъ-шестомъ году. И не то, что на примѣръ обожались такія имена какъ Жоржъ Зандъ, Прудонъ и проч. или уважались такія, какъ Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе-нибудь, самыя мизерныя фамильишки, которые тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на

высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шопотомъ благоговѣнья... И чтоже? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и повидимому презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть это словцо Фонъ-Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О ради-бога не считайте, что любить родину значить ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не думалъ думать и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужь не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ, отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и przygotowляю завтра къ Эйдкунену, т. е. къ первому заграничному впечатлѣнію и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу наконецъ Европу, я, который бесплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьозно, какъ Бѣлопяткинъ у Некрасова:

«Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію»

но не бѣжалъ, и вотъ теперь и я вѣзжаю наконецъ въ «страну святыхъ чудесъ», въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованій. Господи, да какіе же мы русскіе? мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ? Дѣйствительно ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То-есть я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ миліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьозно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не брѣютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все что есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь это оттуда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ я думаю всѣ согласятся, одни съ радостію, другіе разумѣется со злобою за то, что мы *не доросли* до перерожденія. Это ужь другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки-жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было-бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ можетъ быть и не было-бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ? Неужели же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужь Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ!

Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя и хотъ и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротиться. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хотъ оно и сформировалось вполнѣдствіи въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и можетъ быть гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то можетъ-быть пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужь какъ трудно съ перваго разу даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финаль выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли поневолѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти впрочемъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точъ-вточъ также, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хотъ и везутъ тебя, хотъ и заботятся о тебѣ, хотъ подчасъ даже такъ ублажаютъ, что кажется бы и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потому что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди, да жди когда еще довезутъ. Право иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку, подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашолъ и самъ его дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужъ не буду сложа руки запертый сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ что иногда на бездѣльи вздумается!

А между тѣмъ ужъ смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики и кажется хорошіе люди. Они спѣшили на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по комерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли приѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ и кажется совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ проборомъ на головѣ и усиленно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ не отрываясь какую-то книжку, той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали; свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ и ужъ не знаю какъ додумался до того, что «разсудка французъ не имѣетъ», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете ли что: меня что-то подмываетъ, покамѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти

размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поспу-чайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣтливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

ГЛАВА III. И СОВЕРШЕННО ЛИШНЯЯ.

Это впрочемъ были не размышленія, а такъ какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Впервыхъ я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышепри-веденный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того ни съ сего разду-мался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либераль. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу какъ и пошолъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣеть», да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастье. Кстати ужъ не думаете ли вы, что я заговорилъ о шпажонкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперъ иные господа чтобы быть русскими и слиться съ народомъ не надѣли-таки зипуна, а изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ ужъ покрайней-мѣрѣ французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барина, дескать, видно, не въ зипунѣ-жъ ходитъ барину». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ и говорятъ промежъ себя: «Чего къ намъ этотъ ряженный таскается?» Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ ужъ я, сказалъ мнѣ другой господинъ: — нѣтъ ужъ я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то буду дѣлать, а и виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и расчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чортъ! подумалъ я: — точно на иноплеменниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, сказалъ мнѣ третій, впрочемъ премилѣйшій господинъ: — я вотъ куда-нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ, мірскимъ приговоромъ, за что-нибудь высѣчь приговорятъ. Ну что тогда будетъ?

— А хошь бы и такъ, захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что струсилъ. — Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ инья наши мысли высказывать? — Хошь бы и такъ, думалось мнѣ про себя, хошь и высѣкли бы, чтожъ? Такіе обороты дѣла называются у професоровъ эстетики трагическимъ въ

жизни и больше ничего. Неужели-жъ изъ за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ ужъ коль всѣ, такъ ужъ и совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужъ и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жоны и дѣти.

— Да помилуйте, какія тутъ жоны и дѣти! закричалъ бы мнѣ мой противникъ: — выдралъ бы мѣръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужъ это и общее дѣло.

— Ну да оно конечно смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марать не хочется. Даже и говорить-то объ немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мѣрской приговоръ: ни одной таки розочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, еслибъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мѣрскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ бы мѣръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! закричитъ кто-нибудь прочтя это. За розги стоятъ! (Ейбогу кто-нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою.)

— Да помилуйте, про что вы говорите, скажетъ другой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да чтоже это, прибавитъ третій: — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, отвѣчаю я: — но позвольте: вѣдь это зимнѣя воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣнїяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. Притомъ же подѣзжая къ Эйдкунену, я помню, особенно раздумался я про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню что инья мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постепенно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все это тутъ какъ бы лишнее. Да я же васъ и предупѣдомилъ, что вся глава лишняя. А впрочемъ на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда «Бригадира». «Бригадиръ» былъ по тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. «Умри Денисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы спросонья зашевелились. Чтожъ, неужели-жъ и тогда, продолжалъ я свои произвольныя созерцанія, ужъ наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однихъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы на примѣръ всѣ безъ дѣла и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха ктому же. Это у насъ чуть не раньше «Бригадира» еще началось, конечно тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ

отъ восторга. Увизжаться и провратъся отъ восторга это у насъ самое первое дѣло; смотришь года черезъ два и расходимся врозь повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Чтоже касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя свѣтыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно и теперь мало сомнѣвающихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до ярости стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно какъ это мы горь тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это все эти наши алаунскія плоскія возвышенности, парголовскія вершины, валдайскіе пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещать

и что

Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но кажется это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То-есть какія тогда (до «Бригадира» и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомерія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ «Современникѣ», очень давно уже: «Записки моего дѣда». Вообразите что могъ записать тогда этотъ дебелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, издавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившійся въ свою вотчину и принявшійся за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человѣкъ! Ну такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

«Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона. Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона, въ присутствіи короля, хладнокровно спрашивала: «Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?» На что сей кавалеръ, будучи въ отвѣдахъ весьма искусень, нисколько не смятеннымъ, но напротивъ постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: «Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову взять невозбранно.» Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался.»

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой и прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть, — такъ онъ приманилъ меня — и съ тѣхъ поръ не забылъ:

«Остроумный ответъ кавалера де-Рогана. Известно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: «Отстранитесь кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ.» На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: «Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только-что встаете съ постели.»

То-есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и торжественно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службѣ. И что за наивная, тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій: «Извѣстно-дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло...» Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно тогда намъ легко давалась Европа, физически разумѣется. Нравственно-то конечно обходилось не безъ плетей. Напяливали шолковые чулки, парики, привѣшивали шпажонки — вотъ и европеецъ. И нетолько не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ же все оставалось попрежнему: также отложивъ де-Рогана (о которомъ впрочемъ только всего и знали, что у него весьма дурно изо рту пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, также патриархально обходились съ семействомъ, также драли на конюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда если сгруппить, также подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику были понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ же барину не поважничать, — на то баринъ. Хоть и до-смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то милѣ теперешнихъ, потому что были больше свои. Однимъ словомъ всѣ эти господа были народъ простой, кряжевой; до корней недоискивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умиленіемъ, и мирно и жирно проживали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ.» Мнѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже можетъ и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантазмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шолковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это мнѣ кажется были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно можно быть и подъячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ тоже время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый «субдительный суперфлю.» Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили попрежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живого и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шолковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагахъ,

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара.

Ну теперь ужь не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужь мы вполнѣ европейцы и доросли. Теперь ужь самъ Гвоздиловъ сноровку держитъ, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и какъ сѣверо-американецъ южныхъ штатовъ текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ. Вотъ приѣду туда — самъ своими глазами увижу, думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софья, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужь онъ до того поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее нетолько круглой дурой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ-будто побоялся и даже художественно-невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной по оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрѣкла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже можетъ-быть нечаянно. Бригадирша говоритъ Софья:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ бывало онъ разсерчается за что-нибудь, а больше хмѣльной; такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее бывало въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково жъ было терпѣть капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогресистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть ли еще не съ бльшимъ комфортомъ чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того дескать и бью. Даже жоны, говорятъ, безпокоились если ихъ не били: не бьетъ, значитъ не любитъ. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужь и это подверглось развитію. Теперь ужь Гвоздиловъ гвоздитъ

чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, т.-е. человѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надоѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и какъ капитанъ Копѣйкинъ «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужъ давно не «изрядная, изрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избородили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, бессонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горячими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть! пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безгранично-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, неправда ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то-есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтись не можетъ; онъ расчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ очень стоскуется. Ну а вѣдь какъ хотите это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красиво; за то сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это какъ хотите прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это какъ хотите прогрессъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣрены въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность — это только извѣстная система податей, душа — *tabula rasa*, вощичекъ, изъ котораго можно сейчасъ же вылѣпить настоящего человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула — стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи, да прочесть двѣ-три книжки. За то какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потомучто ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали напимѣръ Тургенева за то, что онъ осмѣлился неуспокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеалъ, а искалъ чего-то получше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, господи-помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной. Ну и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца) несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавили — что онъ идетъ противъ эманципаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите! Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими

фельдфебелями цивилизації стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взглядъ съ задоромъ, смотримъ фертномъ, — смотримъ да только поплеываемъ: «чему у тебя сипа-мужикъ намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!» Не спускать же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ боже-мой, кстати теперь... Господа, положимъ на минутку, что я ужь кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте рассказать анекдотъ: Разъ нынѣшней осенью беру я одну газету изъ прогресивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только что теперь газеты передъ глазами нѣтъ.) И вотъ рассказываетя анекдотъ какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодртая въ лентахъ и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только пьяна или нѣтъ? вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на-показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проведенныхъ счастливую ночь. Въ узелкѣ разумѣется заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародьи обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невѣсты. Народъ смѣялся смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплеывая передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, «даже до сихъ поръ сохранившемся при всѣхъ успѣхахъ цивилизації!» Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О пожалуста не думайте, что я защищаю первобытное канибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это не цѣломудренно, это дико, это послavianски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось конечно безъ худого намѣренія, а напротивъ съ цѣлью торжества новобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но когда напимѣрь придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ расчетомъ и знаніемъ дѣла онѣ умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется для изящества, для эстетики, pour paraître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ: и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой то-есть именно цѣлью все это употребляется... Ну чтожъ, подумалъ я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательныя* заботы о ватныхъ приумноженіяхъ, — чтоже, чище, нравственнѣе, цѣломудреннѣе чтоли они несчастной легкой одежды, везомой съ просто-душной увѣренностью къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно!..

Ради-бога не думайте, друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація — не развитіе, а напротивъ въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ! Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ западѣ и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быть собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не *tabula rasa*, не вошечекъ, изъ котораго можно слѣпить общечеловѣчка; что прежде всего нужна натура,

потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, не стѣсненная и вѣра въ свои собственныя, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогресисты (хотя и далеко не всѣ) вовсе не стоятъ за вату и также точно клеймятъ ее какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь неспроста осуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали простонародное, національное, стихійное варварство въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то можетъ-быть въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предразсудки и мерзости на другіе еще большіе предразсудки и мерзости. Статья какъ-будто не замѣчала этихъ нашихъ-то, собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Кчему же, кчему же такимъ фертотомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки, да поплеывая!.. Вѣдь смѣшна, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или наконецъ неразсуждающее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Да что! вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А впрочемъ чтожъ я грѣшу. Вѣдь я грѣшу! это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертотомъ стоящій и все порѣшившій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу когда надо было сыскать

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ типъ совершенно бесполезный теперь и бывший ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ и совѣстливо, тоскующій о своей бесполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣннн переродился и, мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а можетъ-быть подъ носомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже родился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашолъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣннн сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить бы кажется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достигъ того чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все-жъ лучше, все ближе къ цѣли если къ цѣли идешь. И если хочешь непременно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это помоему вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ

шагомъ перелетѣть до цѣли или попасть въ Регулы. Ну вотъ это-то и есть бѣлоручничанье. Однакожъ Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда опять за границу: промѣшкалъ бы маленько и отправился бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну вотъ и я туда ѣду. «Mais moi c'est autre chose». Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, т.-е. очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь и всѣ-то они кажется ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. Покрайней-мѣрѣ чего-то ищутъ. Поколѣние Чацкихъ обоюга пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитриевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома, онъ одинъ только и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ-сказать родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе-дескать сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются.» Онъ при дѣлахъ и наполь себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь и Русь его знаетъ.» Да, ужь его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ и право я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Всѣ они ходятъ съ гидами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости и право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропустятъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потому что такъ велѣно вѣрить по гиду; бросаются на сикстинскую мадону и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто-нибудь выльзетъ изъ-подъ пола и разсѣтетъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодвольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко-жаждущее, а про себя заранѣ убѣжденное, что ничего никогда не будетъ и ничего не случится, разумѣется до первой мухи: пролетѣла муха, — значитъ опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранитъ. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ про всю массу можно только вотъ что сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкуненъ, тотчасъ же становимся разительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ потерявши своего хозяина. Да вы что думаете, что я съ насмѣшкой пишу, виню кого-нибудь, что вотъ-де «въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!» и т. д. и т. д. О ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла

нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансіи не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ.» Вотъ и отговорка и вся недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? куда я заѣхалъ? Гдѣжь это я успѣлъ перевидать за границую русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ... Аль ужъ проѣхали? И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ и Кельнъ, все проѣхали. Я правда все еще въ вагонѣ, но ужъ передъ нами не Эйдкуненъ, а Аркелинъ и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я объ немъ хотѣлъ говорить, да и забылъ! Ужъ очень про нашу русскую Европу раздумался; простибельное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А впрочемъ чтожь ужъ очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава лишняя.

ГЛАВА IV. И НЕ ЛИШНЯЯ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно ли «разсудка французъ не имѣеть?»

Но нѣтъ однако почему же разсудка французъ не имѣеть, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро и я вошелъ въ вагонъ очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Франціи. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой, и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и къ удивленію моему мой швейцарецъ, при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ вдругъ сдѣлался чрезвычайно не словоохотливъ. Я было обратился къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замаять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ какой-то странный народъ. Ѣхали они налегкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напоминало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ сюртучкахъ, страшно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе деньщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шолковаго платка изъ такихъ, которые вѣчно носятъ и пропитываются цѣлымъ фунтомъ жиру, послѣ пятнадцатилѣтняго соприкосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брильянтами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо казались однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати-пяти или около, и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другого. Лица ихъ были помятыя, съ казенными

французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь разныя трубы и усвоившій себѣ навѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но непомню сказали ль хоть одно слово между собою. На насъ, т.-е. на меня и швейцарца они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна кареты. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня правда мелькалъ вопросъ: чтожъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели-жъ отставные военные, что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ? Впрочемъ я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они всѣ четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждутъ на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, т.-е. чрезвычайно быстро.

Только-что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа не долго посидѣли, началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и сядились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?.. но вѣдь это полицейскіе...

— Какъ? какіе полицейскіе? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы недогадываетесь.

— И... неужель шпіоны? (я все еще не хотѣлъ вѣрить.)

— Ну да; для насъ и сядились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужъ нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможенѣ, когда читали наши паспорта, сообщили имъ наши имена и проч. Ну вотъ они и сели, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же однакожъ провожать, коль они насъ ужъ видѣли? Вѣдь вы говорите имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-вожъ, однимъ словомъ все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете всякія мелочи, особенности, т.-е. какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли бы потеряться, имя перемѣнить (т.-е. если вы подозрительный). Ну такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Ктому же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо? продолжалъ я спрашивать все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно на этотъ разъ мало иностранцевъ, а еслибъ больше было они бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не беспокойтесь, все разсмотрѣли... Для насъ и сядились.

Ну-ну, подумалъ я, вотъ-те и «разсудка французъ не имѣеть», и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво накопился на швейцарца: «Да ужъ и ты, братъ, не

того ли, а только такъ прикидываешься,» мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но чтожъ будешь дѣлать; невольно подумается...

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ-сказать всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ на первый разъ въ отелѣ меня лично не много беспокоили и описали меня втихомолку, кромѣ разумѣется тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее же вы вписываете показанья ваши: кто, какъ, откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился не найдя мѣста въ прежнемъ hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй hôtel des Empereurs смотрѣлъ вообще какъ-то патриархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ же день какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хозяйка очевидно заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, начала она очень вѣжливо: — намъ надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... votre état?

Это: votre état? Чрезвычайно сбивчивая вещь и нигдѣ мнѣ не нравилось. Ну что тутъ написать? Путешественникъ, — слишкомъ отвлеченно. Homme de lettres — никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше propriétaire, какъ вы думаете? спросила меня хозяйка. Это будетъ лучше всего.

— О да, это будетъ лучше всего, поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну теперь: причина вашего приѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм, да, pour voir Paris. Позвольте мсье: вашъ ростъ?

— То-есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось бы знать подробнѣе... Я думаю, я думаю... продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? спросилъ я.

— Охъ это необ-хо-димо, отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ. Теперь мсье ваши волосы? блондинъ, гм... довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: — вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм, свѣтлые...

И она опять посовѣтовалась глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже нѣсколько озабоченнымъ видомъ. Voilà мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень хорошо понялъ на что онъ указывалъ. У меня маленькій шрамъ на лбу и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте-жъ теперь спросить, сказалъ я хозяйкѣ, когда кончился весь экзамень: — неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно-внушительнымъ видомъ.

— Но въ hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, живо подхватила хозяйка. Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно они оглядѣли васъ молча, но только непременно, непременно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

— О, мсье!.. скрѣпилъ мужъ съ торжественностью и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, на сколько покрайней мѣрѣ я ихъ узналъ потомъ. Но слово: необ-хо-димо произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ, или уменьшительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ я въ Парижѣ...

ГЛАВА V. БААЛЪ.

Итакъ я въ Парижѣ... Но не думайте однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю вы столько уже перечитали о немъ порусски, что наконецъ ужъ и надоѣло читать. Ктому же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по заказу, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу что именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разлиновано; какъ всѣ довольны; какъ всѣ стараются увѣрить себя что довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ наконецъ дотога достарились, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... и остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите что я преувеличиваю, что это все жолчная патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что можетъ-быть ужасно навру. Ну и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру будучи убѣжденъ, что не вру. А помоему этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой поря-

докъ, какое такъ-сказать *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще не много, и полутора-миллионный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьѣ и порядкѣ професорскій нѣмецкій городокъ, вродѣ напимѣръ какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то знаете тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентация! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно разумѣется), а колоссальная внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно съ любовью умалывается съ умиленіемъ ежится. Куда въ этомъ отношеніи напимѣръ Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и покрайней-мѣрѣ наружно, — какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушеввался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и повидимому никакъ не исключая другъ друга. Все это кажется упорно стоять за себя и жить посвоему и повидимому не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ таже упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобща-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникѣ обратиться, да только устроиться не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается тоже что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на *statu quo*, вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры можетъ-быть у самихъ предводителей прогресса и поклониться Ваалу. Пожалуста однакожъ не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно, только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да бессознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленіяхъ всей массы. Но буржуа напимѣръ въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибѣтъ даже васъ, если вы усомнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибѣтъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хоть и такъ же, но зато какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугузки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предприимчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ. Сити съ своими миллионами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ-будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то дѣйствительно становится страшно. Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ ли тутъ? не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинается духъ тѣснить. Вы смот-

рите на эти сотни тысячъ, на эти мильоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ апокалипсиса, въ очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго, духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то-есть не принять существующаго за свой идеаль...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеаль. Ктому же голодъ и рабство не свой братъ, и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно могутъ создавать картины изъ апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я: — положимъ что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но еслибъ вы видѣли какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и въ развратѣ и начинаетъ вѣрвать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь вродѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ напримѣръ, что ночью по субботамъ полмиліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все наработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жоны не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго таскался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, спрашивая почти знаками дорогу, потомучто поанглійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощутили то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и

что долго еще будутъ они взывать ко престолу Всевышняго: «доколѣ Господи». И они сами знаютъ это и покамѣсть отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ — отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти миліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть посвоему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами...

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины. Улицы освѣщены пучками газа, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливааетъ всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный . Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ-будто по обязанности. Наверху, въ галереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется богатымъ джентльменомъ, и по всему видно непривычнымъ посѣтителемъ казино. Онъ можетъ-быть отыскивалъ ее и наконецъ они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ-будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе чтоже значить лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ онъ всталъ, пожалъ ей руку и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за

руку и просятъ чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и кажется избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, богъ-знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ-быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей включенной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ сплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги. — Вообще предметы игривые...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ почти закрывавшей ея лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то что я не могъ разобрать ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я рассмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois-tu cela?» На другой сторонѣ, по французски же: «Азъ есмь воскресеніе и животъ...» и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ евангелія и библии. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бездна и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдеть онъ на примѣръ больного, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лечить больного, покупаетъ лекарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ уже послѣ излеченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда вытолкаютъ; онъ все снесетъ, но ужъ когонибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потомучто имъ нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконные, потомучто дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ жонъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваются въ каминѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. Покрайней-мѣрѣ въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подконецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ

свое тупо-нравственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жирѣть и жить для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужь тутъ безъ маски. Покрайней-мѣрѣ — рационально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отупѣнія професоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго и забываютъ миллионъ дикихъ въ Лондонѣ, за то что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ жонъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый и мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ что было ночью, не тревожится и тѣмъ что видитъ кругомъ себя днемъ. Вааль царить и даже не требуетъ покорности, потомучто въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоуверенность невозможно. Вааль не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ напримѣръ въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, на яву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ какъ птица страусъ любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужь и невидать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако чтожъ это я! Я опять не въ Парижѣ... Да когда жъ это, Господи, я приучусь къ порядку...

ГЛАВА VI. ОПЫТЪ О БУРЖУА.

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, стушеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите пожалуста мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ какъ-будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, *le tiers etat c'est tout*, а вы — ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспоминать и руками машеть, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, чтп было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ, и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то

тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ отрещиваться: «Господи! да что это я наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ, поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгию, можетъ и послѣ завтра, если будетъ великая милость Господня... Ну а тамъ, а тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и — apres moi le deluge?» Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпионовъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, прикащики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпюзы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, pot-au-feu варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себя представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ ужъ условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ, само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными столами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпюзъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какже-съ: если не такъ, такъ вѣдь пожалуй подумаютъ, что идеаль не достигнуть, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно пожалуй чего-нибудь еще пожелать, что стало-быть буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы боже-сохрани чего не замѣтили! А эпюзы кушаютъ конфетки, гонтируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и преграціозно приподымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ на примѣръ «Жена, мужъ и любовникъ» уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ также много, какъ песку морского (а ихъ тамъ можетъ и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестѣло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Палероялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непремѣнно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпюзами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благодѣтельныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ тоже, тоже самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперѣ французъ серьезень, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю *gloire militaire*, процвѣтающую во Франціи и за которую *Jaques Bonhomme* такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но кажется и торгую и облупливая

васъ какъ липку въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуны и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катихизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то такъ-сказать священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе рассчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяютъ удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потомучто буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Станный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самага подлаго французика, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ тоже время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продаетъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній прикащикъ раздавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые прикащики, которые служатъ моделью самага субдителяго суперфлю для нашего Михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ прикащикомъ. Вы пришли, напимѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, а только такъ себѣ скромный путешественникъ и вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потомучто ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и какъ подумаешь тутъ же, сколько ему бѣдненькому придется послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивиаду, Монморанси, да еще послѣ кого? послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительными десятью франками придти безпокоить такого маркиза, — какъ подумаешь все это, то поневолѣ мигомъ, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаяваетесь и проклинаете судьбу зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинѣ и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе ступешаваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громадныхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напустить сюда русскихъ барынь и... но о томъ что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ

прикащики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ на примѣръ въ англичанкахъ, которыя нетолько не смущаются, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переверотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, о ужасъ! торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужь онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупитъ съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непременно безсребрениковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло, — за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не простить воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы стало-быть хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой цѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь куска хлѣба и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же наконецъ — опять-таки я все на прежнее — почему же наконецъ буржуа до сихъ поръ какъ-будто чего-то труситъ, какъ-будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему беспокоиться? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеаль ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужь натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками возвращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучший и самый полный идеаль собственника, какой только можно себѣ представить. Комунистовъ? Соціалистовъ наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершпилился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да; вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы кажется бояться? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сіейсъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *все*. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ.*» Ну, такъ и случилось какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, несмотря на то, что все что было сказано послѣ словъ Сіейса сбрендило и лопнуло какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: *liberté, égalité, fraternité*. Очень хорошо-съ. Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода

всѣмъ дѣлать все что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь миллионъ. Даетъ ли свобода каждому по миллиону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ миллиона? Человѣкъ безъ миллиона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Чтожъ остается изъ формулы? братство. Ну, эта статья самая курьезная и надо признаться до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновения на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ какъ о великой движущей силѣ человѣчества и недогадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братства нельзя, потомучто оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской да и вообще западной его въ наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потомучто въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все-то это *остальное* должно бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я* и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но напротивъ отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она хочетъ *дѣлаться* — ну и не выходитъ братства. Конечно можно переродиться? Но перерожденіе это совершается тысячами, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобъ стать дѣйствительностью. Чтожъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть помоему признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то-есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ

въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну вотъ и надобно чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все-равно что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ и увидите, что онъ проклятый будетъ поминутно припоминаться. Какже сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ*, бессознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало, — надо любить. Надо чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіеся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ, однимъ словомъ чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло-бы это братство, еслибъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуста располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось». А братство напротивъ должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То что ты даешь намъ, мы не вправѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но чтоже дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самопроявленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потомучто мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны; будь же вполне спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого разумѣется ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится.

Эка вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ-будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять-таки чтоже дѣлать социалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а напротивъ начало единичное, личное, непрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукѣ своихъ правъ. Социалистъ видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, т. е. не имѣется природы, способной къ братству, природы, вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на братство. Въ отчаяніи социалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, рассчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, рассказываетъ сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ

каждая личность смотреть, насколько тяготѣеть и опредѣляетъ заранѣ расчетъ благъ земныхъ; насколько кто ихъ заслужить и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужь какое тутъ братство, когда заранѣ дѣлятся и опредѣляютъ кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго». Ужь лучше этого разумѣется ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе что вся формула цѣликомъ взята изъ одной всѣмъ извѣстной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы говорятъ взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, т. е. хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется ужь совершенно гарантируютъ человѣка, общаются кормить, поить его, работу ему доставить и за это требуютъ съ него только самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется съ дуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудяку, что своя воля лучше. Разумѣется социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей, какой-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ социализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи социалистъ провозглашаетъ наконецъ: *liberté, égalité, fraternité où la mort*. Ну ужь тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ стало-быть и сбылась формула Сіейса буквально и въ послѣдней точности. И такъ буржуа все, отчего-жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ сбрендили, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ напимѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, но онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлался съ ними на іюньскихъ барикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его ужь и нѣтъ ничего, что онъ идеаль, и что ему осталось теперь, не то чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеаль, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе какъ хотите конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогдашняя возможность? Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно, и всего боится, именно потому что всего достигъ. Когда всего достигаешь, тяжело становится все потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе боится, значитъ тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не смѣйтесь пожалуйста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩАГО.

И почему *между буржуа столько лакеевъ*, да еще при такой благородной наружности? Пожалуста не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевету, что во мнѣ говорить ненависть. Къ чему? къ кому? зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ и это такъ. Лакейство вѣдается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное — натура помогаетъ. Я ужь не говорю напримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпионства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпионства во Франціи, и не простого, а мастерского шпионства, шпионства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научные приемы, происходитъ у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально-благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не предоставитъ сейчасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ я и преувеличиваю это, но можетъ-быть я говорю основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ ужасно забѣжать впередъ, какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчасней награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣстъ напримѣръ при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3 іюля. Смотрю: письма изъ Виш-||. Въ Виш-|| гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ разумѣется; были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинаетъ:

«У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется вы тотчасъ же угадали самага блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день, въ сопровожденіи своей свиты и т. д.»

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе и кончено» отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобъ зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ въ этомъ случаѣ, чтп можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужь онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы кажется это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ навѣрно этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ, писавшій «correspondence», газета ее помѣстившая у себя и редакція газеты, неужели-жъ всѣ они до того глупы, чтобъ не разобратъ, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго

наѣздника во Франціи, что онъ подѣ старость вовсе и не расчитываетъ на эту славу и конечно не повѣритъ если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи; говорятъ онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть самъ владыка посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣпую покорность, увидитъ безграничное падамъ до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но за то *падамъ до ногъ*, а это главное. Теперь разсудите: еслибъ это было не въ духѣ націи, еслибъ такая пошлая лесть не считалась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей и даже приличной — возможно ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лесть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такія же въ такомъ же точно родѣ, кромѣ двухъ-трехъ несовѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльдотомъ; это ужъ было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльдотомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется говорили загадочно; иные молчали и не хотѣли совѣмъ высказываться; другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоразумное; но конечно высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потомучто Гарибальди — человѣкъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него пожалуй и выйдетъ благоразумно даже и то что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало-помалу перешли собственно къ личности Гарибальди. Стали перечислять его качества, — приговоръ былъ довольно благоприятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, громко проговорилъ одинъ французъ, приятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французахъ. — Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, долженствовало быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать миліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ, до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати миліонахъ франковъ.

Про Гарибальди конечно можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ хаптурками изъ казеннаго мѣшка, это разумѣется могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе разумѣется все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати миліонахъ, я совершенно нечаянно подумалъ:

— А что, братъ, еслибъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣшкѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно также происходитъ и что не могу же я ручаться за всѣхъ французъ. Конечно такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизъяснимое благородство, а у насъ можетъ-быть даже и гораздо хуже бывало. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что? можно быть даже и подлецомъ, да чутья о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но зато чутье чести совершенно потеряли и потому подличаютъ невѣдая что творять, изъ добродѣтели. Первое разумѣется порочнѣе, но послѣднее какъ хотите презрительнѣе. Такой катихизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а насчетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ однихъ только частныхъ случаевъ, не правда ли?

Даже я вотъ что думаю: Я можетъ быть ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ дѣйствительно ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хоть онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ поминутно, что все обстоитъ благополучно, но однакожъ это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ, — дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькой, какъ-будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ чтоже тысячу лѣтъ: Про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетные, пустые интересы. Мнѣ случалось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время перебивало множество людей. Точно всѣ они какъ-будто боятся и заговорить о чемъ-нибудь необыденномъ, о чемъ-нибудь не такъ мелочномъ, о какихъ-нибудь всеобщихъ интересахъ, ну тамъ о какихъ бы то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могъ мнѣ кажется быть страхъ шпионовъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ-нибудь мыслить и говорить посерьознѣе. Впрочемъ встрѣчались тутъ люди, которые ужасно интересовались какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю, насколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до-сихъ-поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожать. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилага, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выпрашивая мое мнѣніе о Парижѣ и ужасно огорчался, когда я неизъявлялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его, — буквально страданіе, я не преувеличиваю. О милый M-r Le M-re! Француза т. е. парижанина (потомучто вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ непервый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не хочеть. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза — это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все

началось съ Людовика XIV, право такъ. Но всего замѣчательнѣе что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взялъ этотъ король, — понять не могу! Вѣдь не особенно же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ l'Etat c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда облетѣло. Я думаю однимъ этимъ-то словомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, вполнѣ во французскомъ духѣ, такъ что я даже и непонимаю какъ это во Франціи могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошалили и воротились къ прежнему духу; на то идетъ; но краснорѣчіе, краснорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчія, одного только краснорѣчія онъ до-сихъ-поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію; припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро. То-то краснорѣчія-то было тогда, говоритъ онъ иногда про себя и начинаетъ задумываться. Наполеонъ III это понялъ, тотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться и мало-помалу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, т. е. такихъ, что можетъ-быть ихъ и не подкупишь, если начать подкупать, и однакожъ ихъ все-таки только шесть, — шесть было, шесть есть, и шесть только и останется. Больше не прибудетъ, будьте покойны, да и неубудетъ тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однакожъ гораздо проще въ дѣйствительности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но поболтать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуживаются важнѣйшіе государственные вопросы и парижанинъ сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе и радъ. Разумѣется онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего, что будутъ слова, слова и слова и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ и этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, маскарадъ, а между-тѣмъ говорить, нѣсколько лѣтъ сряду говорить, и прекрасно говорить даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія: «Хорошо говорить человѣкъ!» и у президента и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и гувернеръ сихъ милыхъ и благонравныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говорить онъ, его мыслямъ и благонравному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но хотя почтенный членъ и вполнѣ заслужилъ въ награду книжку съ надписью: «за благонравіе и успѣхи въ наукахъ» несмотря на то, господа, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь, господа, что вы совершенно со мною согласны. — Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ и взглядъ его начинаетъ сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ востор-

гомъ рукоплещуть гувернеру, а между тѣмъ тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія гувернера и къ слѣдующему разу. Гувернеръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанія на «Восходъ солнца» удаляется гордый своимъ успѣхомъ, представители удаляются облизываясь въ нѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпугами въ Палероялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а гувернеръ, отрапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ на-завтра всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заводятъ и игру поважнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію къ совершенному испугу всѣхъ этихъ учащихся юношей. Въ класѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію надо то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ говорится то самое что (предполагается) могли бы высказать эти же самыя милыя дѣти, еслибъ гувернеръ хоть на минутку вышелъ изъ класа. Разумѣется и тутъ въ мѣру; да и предположеніе нелѣпое, потомучто всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевелятся, еслибъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благонравію всемилостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку, за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., т. е. все что было сказано прежде; разумѣется весь класъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уводятъ домой, благонравные ученики расходятся изъ класа какъ настоящіе благонравные паиньки, а вечеромъ гуляютъ съ эпугами въ Палероялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д. и т. д. и т. д., однимъ словомъ порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантии и въ шапкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благоговѣйная тишина; мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и очень мало скандализируется, потомучто отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благонравенъ. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капиталчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго и что какъ поприкопишь деньжонокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ на мой взглядъ немного ошибаются. Конечно капиталчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эпугы по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ, даже теперь гораздо болѣе чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотить. Въ процессѣ изъяснялось какъ пустынники долголѣтнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣньемъ отяготѣли надъ душой одной прекрасной и весьма денежной

дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ расчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ наконецъ довели ее до болѣзни, до идиотства, представили ей наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ-Богомъ и мало-помалу удалили совершенно родственниковъ. «Даже ея племянница, эта дѣвственная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ, и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ея *front virginale*, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности...» Однимъ словомъ все въ этомъ родѣ; было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцыпустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они конечно не унываютъ. Проиграли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? спросилъ я одного молодого студента, бывшаго въ числѣ благоговѣвшихъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонаправные. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ наконецъ съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я конечно сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія, такъ-сказать въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣденъ до конца ногтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было неурочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковные склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ человѣкъ, немного только шамкая, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запѣлъ, только-что подвелъ насъ къ первой гробницѣ:

— *Ci-gît Voltaire*, — Вольтеръ, сей великій геній прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предрасудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнея.-

Онъ говорилъ очевидно по заученому. Кто-нибудь, когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ рацею и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь; даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— *Ci-gît Jean Jacques Rousseau*, продолжалъ онъ подходя къ другой гробницѣ: — *Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!*

Мнѣ стало вдругъ ужасно смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно ополить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ *nature* и *verite* рѣшительно не понималъ о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! сказалъ я ему. — Изъ этихъ двухъ великихъ людей, одинъ всю жизнь называлъ другого лгуномъ и дурнымъ человѣкомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! замѣтилъ было инвалидъ, желая что-то возразить, но однакожъ не возразилъ и поскорѣй повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— *Ci-gît Lannes*, маршалъ Ланнъ, запѣлъ онъ еще разъ: — одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, искуснѣйшій предводитель войскъ, исключая

великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ-будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человѣка. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! позвольте же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы можетъ-быть и знаете это все... Но позвольте и мнѣ рассказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому рассказать, хотя-бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришолъ къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой: — мсье! я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете можетъ-быть лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! бесполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія умершаго почти на глазахъ его полководца. — *C'est fini, monsieur*, прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошолъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница; ну это... *quelques sénateurs*, прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнулъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ не подалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ-сказать народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія конвента и клубовъ въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ, — любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VIII. БРИБРИ И МАБИШЬ.

А чтожъ эпюзы? Эпюзы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпюзы вмѣсто жоны? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговорить высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: *mon érouse*. И хоть въ другихъ

слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ: *ma femme* — моя жена, но ужь лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Ктому же есть и другія наименованія. Когда буржуа разчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: *ma biche*. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: *bribi*, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтаютъ, а теперъ болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужь условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устройвай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и молчитъ разумѣется, покамѣстъ у него еще мало прикоплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потомучто начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ ужь и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупаются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужь въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если напримѣръ у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужь и не отдадутъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и я думаю гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе жонинными денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похождения своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потомучто тогда, т. е. при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Ктому же если мабишь и защеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется: меньше съ него спроситъ жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ-какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздается между супругами все чаще и чаще. А наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комисаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужь такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ *en flagrant délit*, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничемъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться напримѣръ въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и такъ-сказать канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу

и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ рыцарскія отношенія соблюдены и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д. и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копѣчница какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, т. е. дойдетъ до того, что ужь никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительно нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда Мабишь вдругъ, быстро и скверно перерождается. Куды дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копитъ съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется не все такъ, разумѣется бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется и вездѣ есть такія же соціальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная; доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно. Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно на прямыи: и вѣрнѣе по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазироваанныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штукъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего: это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ можетъ быть и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ природы, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все-равно что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка можетъ-быть больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, т. е. поддѣлай любовь» — вотъ что требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпюзы, покрайней-мѣрѣ довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяетъ. Ктому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ правая рука, старшій прикащикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина, мало-мальски

не старая, двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ, безъ того чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая фізіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто наивна. Вообще заграничные люди — это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно наивнѣ русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе; нужно самому замѣтить. *Le Russe est sceptique et moqueur*, говорятъ про насъ французы и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, покрайней-мѣрѣ не уважаемъ его въ высшей степени, непонимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, не принадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холоднѣе, какъ бы по обязанности, и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя напримѣръ вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабиш отчего бьютъ фонтаны кверху, объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотой булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ *les grandes eaux*, успѣхами императора Наполеона и *gloire militaire*, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишь тоже довольно нѣжно относится къ супругу, т. е. не то, что поддѣлкой какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга. Разумѣется я не претендую, какъ лесажевъ бѣсѣ, снимать крыши съ домовъ. Я рассказываю только что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «*Mon mari n'a pas encore vu la mer*», говоритъ вамъ иная мабишь и голосъ ея изображаетъ искреннее наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотреть на море. Нужно знать что у буржуа есть нѣкоторыя пренаивныя и пресерьюзныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященныя всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически. Первая потребность это *voir la mer*, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще тутъ даже много чувствительнаго и я уважаю это. Наконецъ ему удается улучшить время и средства; онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море». Возвратясь онъ рассказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ женѣ, роднѣ, пріятелиамъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣ сильная потребность буржуа и особенно парижскаго буржуа, это — *se rouler dans l'herbe*. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ *avec la nature* и особенно любитъ, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще парижанинъ за городомъ считаетъ немедленную своею обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ *la nature* человѣкомъ. *L'homme de la nature et de la verite!* Ужь не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ *la nature*? Впрочемъ обѣ эти потребности: *voir la mer* и *se rouler dans l'herbe*, — парижанинъ позво-

ляетъ себѣ большею частью только тогда, когда уже накопить себѣ состояніе, однимъ словомъ когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя какъ на человѣка. *Se rouler dans l'herbe* бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микро-скопическомъ размѣрѣ, все-равно — буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «*mon arbre, mon mur*», твердитъ онъ себѣ и всѣмъ кого зазоветъ къ себѣ поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего *se rouler dans l'herbe*. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непременно лужокъ передъ домомъ. Кто-то рассказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ срѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на пескѣ не выходило и не принималось. Такое ужъ мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣ-обѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благоприобрѣтенной собственности пожалуй это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ конечно тоже самое, что и буржуа, т.-е. прикащикъ, купецъ, чиновникъ, *homme de lettres*, офицеръ. Гюставъ — это неженатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какіе на немъ теперь перья. Идеалъ Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевиль, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скоромный и веселый водевиль, — единственное произведеніе искусства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ, — водевиль, хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполне. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ — нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишъ наставленія. Ктому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила; а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ даже выставленный въ смѣшномъ видѣ и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхъ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокаивать. Онъ даже начинаетъ вѣрить въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ

деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ гениемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтеса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушень, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, неимѣвшей ни копѣйки, но у которой вдругъ оказывались безчисленные деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сту тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святого искусства на профанацію пигмеямъ, до сихъ поръ незамѣтившимъ какъ онъ великъ. Но врывается виконтеса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтеса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея миллионъ, прощаетъ виконтесу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье и совокупившись законнымъ бракомъ начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй разумѣется напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не прикащикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются миллионы. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ миллионы. Зачѣмъ? Ужь такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него, и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шолъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ миллионы и, обругавъ всѣхъ самыми скверными словами, за то что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же неизъяснимаго благородства какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только-что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ наконецъ начинаетъ тошнить, у васъ разливается жолчь и вы принуждены посылать за докто-

ромъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, покрайней мѣрѣ болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре разумѣется накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, не много смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизъяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается разумѣется, что она чиста какъ голубь, что она только пошалила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль разумѣется по-прежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впослѣдствіи же оказывается мильонъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью и «l'érée de mon père». Объ этой шпагѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется у него ни гроша, это sine qua non. Мадамъ Бопре разумѣется влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кричитъ отъ любви въ продолженіи пяти актовъ. Идетъ наконецъ снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и обольститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штуки мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его никогда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль мильонъ и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться, Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непременно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на мильонъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуста не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не беспокойтесь: мильонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ мильонъ, Сесиль и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котоновые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ и чувствительности выходитъ много и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями и главное, главное мильонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.